

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 821.111:82-31(410)

DOI: 10.32342/2523-4463-2021-2-22-5

Е.С. АННЕНКОВА,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы и теории литературы
Национального педагогического университета
имени М.П. Драгоманова (г. Киев)*

ОБРАЗ МИРА И ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА: «АНГЕЛЫ И НАСЕКОМЫЕ» А.С. БАЙЕТТ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ

В статье предпринята попытка рассмотреть входящие в состав прозаического диптиха А.С. Байетт новеллы «Морфо Евгения» и «Ангел супружества» как взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга тексты, семантический и эстетический потенциал которых раскрывается с максимальной полнотой при условии их интерпретации как сложно организованного художественного целого. Поэтому целью исследования является выявление и анализ комплекса структурных и смыслообразующих компонентов новелл, которые позволяют говорить о том, что «Морфо Евгения» и «Ангел супружества» нерасторжимо связаны друг с другом в едином художественном пространстве прозаического диптиха и опубликованы писательницей под общим названием не случайно. Для достижения поставленной цели использован целостный, историко-литературный, историко-культурологический, сравнительный анализ, а также элементы герменевтического и гендерного методов анализа.

В результате было установлено, что художественная целостность диптиха поддерживается на жанрово-стилевом, композиционно-сюжетном, проблемно-тематическом уровнях, объединенных единым авторским замыслом реинтерпретировать викторианство как эпоху, в которой были сформированы принципиально важные и актуальные для современных британцев способы восприятия и понимания мира. Женские и мужские образы новелл также подчеркивают их связанность и взаимообращенность. Присутствующие в них многочисленные вставные конструкции, характерные для индивидуально-авторского почерка британской писательницы, а также внешняя и внутренняя интертекстуальность новелл усиливают духовно-философские смыслы диптиха как целого. Анализ ведущих концептуальных метафор и аллегорий, репрезентирующих ключевые авторские идеи, подтверждает семантическое и структурное единство «Ангелов и насекомых». Смоделированный в диптихе целостный образ викторианской эпохи и соотносимый с ней образ викторианцев раскрываются перед читателем во всей своей духовно-эстетической сложности и многогранности.

Ключевые слова: А.С. Байетт, «Ангелы и насекомые», художественное целое, диптих, интертекстуальность, викторианский код.

У статті зроблено спробу розглянути новели «Морфо Євгенія» та «Шлюбний янгол», що входять до складу прозового диптиха А.С. Баєтт «Янголи і комахи», як пов'язані між собою і взаємодоповнювані тексти, семантичний та естетичний потенціал яких розкривається з максимальною повнотою за умови їх інтерпретації як складно організованого художнього цілого. Тож метою дослідження є виявлення та аналіз комплексу структурних і смислоутворюючих компонентів новел, які дозволяють говорити про те, що «Морфо Євгенія» та «Шлюбний янгол» нерозривно поєднані між собою в єдиному художньому просторі прозового диптиха та опубліковані письменницею під спільною назвою не випадково. Для досягнення поставленої мети нами використано цілісний, історико-літературний, історико-культурологічний, порівняльний аналіз, а також елементи герменевтичного і гендерного методів аналізу.

У результаті було встановлено, що художня цілісність диптиха підтримується на жанрово-стильовому, композиційно-сюжетному, проблемно-тематичному рівнях, що об'єднані єдиним авторським задумом реінтерпретувати вікторіанство як епоху, за якої були сформовані принципово важливі та актуальні для сучасних британців способи сприйняття і розуміння світу. Жіночі та чоловічі образи новел також увиразнюють їх пов'язаність і взаємооберненість. Присутні в них численні вставні конструкції, притаманні індивідуально-авторському почерку британської письменниці, а також зовнішня і внутрішня інтертекстуальність новел посилюють духовно-філософські смисли диптиха як цілого. Аналіз основних концептуальних метафор і алегорій, що репрезентують ключові авторські ідеї, підтверджує семантичну та структурну єдність «Янголів і комах». Змодельовані в диптиху цілісний образ вікторіанської епохи і відповідний їй образ вікторіанців розкриваються перед читачем у всій своїй духовно-естетичній складності та багатогранності.

Ключові слова: А.С. Байетт, «Янголи і комах», художнє ціле, диптих, інтертекстуальність, вікторіанський код.

Знаменитая британская писательница А.С. Байетт не нуждается в представлении, это имя хорошо известно как литературоведам, так и читательской публике. Ее индивидуально-авторский стиль; удивительный эстетический язык; способность оживить сложнейшие сюжеты и повороты национальной истории и актуализировать важнейшие для современного общества смыслы; глубинная, органичная связь с национальной английской художественной традицией и ее включенность в современный литературный и литературоведческий контексты свидетельствуют о живучести и востребованности интеллектуально насыщенной и художественно совершенной прозы в наши дни. Лауреат Букеровской премии и многих других престижных литературных премий А.С. Байетт написала не слишком много художественных произведений, однако выход каждой ее книги, начиная с неовикторианского романа «Обладать», сопровождали неизменный успех у читателей и огромный интерес со стороны литературных критиков и литературоведов. «Ангелы и насекомые», опубликованные в 1992 г. в Британии, не стали исключением. Из значительного количества обстоятельных работ, обращенных к этой книге А.С. Байетт, выделим лишь некоторые: диссертационное исследование О. Толстых [Толстых, 2008], статьи А. Буда [Buda, 2015], М. Лаки [Lackey, 2008], Дж. Старрок [Sturrock, 2002], Х. Ханссон [Hansson, 1999], А. Приморац и И. Балинт-Федварски [Primorac, Balint-Feudvarski, 2011], Дж. Флетчер [Fletcher, 1999], Н. Владимировой [Владимирова, 2018], Я. Муратовой [Муратова, 2020]. Авторы названных исследований касаются самых разных художественных аспектов этого произведения британской писательницы, однако сами названия работ и их содержание свидетельствуют о том, что материалом анализа для исследователей служила лишь первая новелла «Ангелов и насекомых», а вторая была явно и немотивированно обойдена вниманием ученых. Исключение составляет работа Дж. Флетчер [Fletcher, 1999], в которой автор блестяще анализирует сразу две новеллы А.С. Байетт сквозь призму реализации в них мифологического сюжета гомеровской «Одиссеи». Таким образом, очевидно, что новеллы в литературоведческой практике еще не рассматривались как сложно связанные между собой тексты, тогда как представляется, что именно это их качество может стать отдельным предметом изучения.

Целью нашего исследования является выявление и анализ комплекса структурных и смыслообразующих компонентов новелл, которые позволяют говорить о том, что «Морфо Евгения» и «Ангел супружества», из которых состоят «Ангелы и насекомые», нерасторжимо связаны друг с другом и представляют художественное целое. Для достижения поставленной цели нами использован целостный, историко-литературный, историко-культурологический, сравнительный анализ, а также элементы герменевтического и гендерного методов анализа.

Изучая те или иные особенности входящих в «Ангелов и насекомых» новелл, зарубежные исследователи в большинстве своем стараются избегать дефиниций для этого художественного произведения [Buda, 2015; Fletcher, 1999; Sturrock, 2002; Lackey, 2008] или, давая их, не считают нужным их объяснить. Так, например, Ю. Виноградова называет его дилогией [Виноградова, 2001, с. 272], а Ю. Муратова диптихом [Муратова, 2020, с. 85]. Однако именно способы связи двух новелл в «Ангелах и насекомых», дающие возможность видеть в них дилогию или диптих, имеют принципиально важное значение для понимания

уникальной природы прозы А.С. Байетт, которая использует повторяющиеся и хорошо узнаваемые, байеттовские, художественные приемы и обращается к свойственному ее художественному сознанию устойчивому кругу тем, проблем, мотивов и образов, эксплицируя их в каждом своем произведении с большей или меньшей степенью интенсивности, и, таким образом, все ею написанное читается как единый метатекст, ключевой проблемой которого является природа творческого человека, созидającego интеллектуала, включенного в свою эпоху, переживающего и стремящегося генерировать ее сокровенные смыслы в континууме единой культурной традиции. Особенно полно это проявляется в неовикторианских произведениях писательницы («Обладать», «Ангелы и насекомые», «Детская книга»), каждое из которых находит свое отражение, продолжение и дополнение в другом, опутывая читателя, как сеть, тончайшей паутиной мотивов и образов, знаков, метафор и символов, в которых вместе с викторианской эпохой оживает вся традиция национальной английской литературы как неотъемлемой части современной британской культуры.

Отталкиваясь от идеи М. Гиршмана о том, что художественное произведение является собой художественное целое, понимаемое как «единый, динамически развивающийся и вместе с тем внутренне завершенный мир» [Гиршман, 1991, с. 70], который воспринимается как целое, когда преодолевается «множественность обособленного существования этих отдельных частей» [Гиршман, 1991, с. 6], и принимая во внимание методологию анализа «сложносоставного целого», предложенную В. Тюпой, который подразумевает под таким образованием «эстетически единое произведение, семиотически представленное несколькими отдельными текстами» [Тюпа, 2009, с. 204], мы рассмотрим содержательно-формальные особенности организации «Ангелов и насекомых» Байетт как такого «сложносоставного целого».

Итак, «Ангелы и насекомые» состоят из двух новелл, первая из которых называется «Морфо Евгения» (“Morpho Eugenia”), а вторая – «Ангел супружества» (“Conjugal Angel”). Безусловно, каждая из них может быть прочитана и понята отдельно, так как на смысловом и сюжетном уровнях они выглядят как вполне самостоятельные и завершенные произведения. Сама писательница акцентировала внимание на нюансах жанра каждой из новелл, предлагая видеть в «Морфо Евгении» “a kind of robust Gothic allegory”, а в «Ангеле супружества» – “a ghost story and a love story” [Byatt, 1999, p. 110, 114], а также на том, что первая новелла ею полностью выдумана, а в основе другой лежат как вымышленные, так и реальные события и герои [Byatt, 1999, p. 114]. Однако гораздо более значимыми нам представляются не эти различия, а те особенности новелл, которые позволяют понимать их как художественное целое. Следует учитывать, что А.С. Байетт опубликовала новеллы под общим названием, под одной обложкой и в определенном порядке (действие первой происходит в конце 1860-х гг., на несколько лет раньше, чем события во второй), тем самым уже манифестируя их единство. Кроме того, размышляя о них в сборнике своих литературно-критических эссе «Про истории выдуманные и настоящие» (“On Histories and Stories”), она рассматривает их как “two linked historical novellas” [Byatt, 1999, p. 82], настойчиво концентрируясь и выделяя именно те аспекты, которые увязывают новеллы в единый узел смыслов и проблем. Анализ содержания и структуры «Ангелов и насекомых» подтверждает, что свои намерения Байетт реализовала в полном объеме.

Обе новеллы рассказывают о важнейших для художественного мира Байетт вещах – любви, дружбе, творчестве и смерти в их разных вариациях. В жанровом отношении «Морфо Евгения» тоже может быть определена как “a love story”, причем история о такой любви, которая раскрывается в своих двух извечных ипостасях как любовь земная и любовь небесная, ведь Вильям Адамсон любит Евгению Алабастер вполне плотской любовью, но придает он предмету своей страсти черты небесной красоты и чистоты («она невинна и доверчива») и слишком романтизирует свои порывы: «Я умру, если она не будет моей» [Байетт, 2018, с. 23, 80]; тогда как в «Ангеле супружества» можно обнаружить черты “Gothic allegory”, потому что во второй новелле не только появляются духи и призраки, но и прочитывается аллегория простого смертного, вечно находящегося в мучительных поисках ответов на вопрос о возможности жизни после смерти. Обе новеллы тесно связаны и общими проблемами, выраженными с помощью ряда антиномичных оппозиций, с одинаковой полнотой реализуемых в двух текстах: душа и тело, жизнь и смерть, духовное и материальное, земное и небесное, мужское и женское.

В эссе «Настоящие истории и факты в художественной прозе» (“True Stories and the Facts in Fiction”), которое вошло в уже упомянутый нами сборник работ Байетт, писательница детально рассказывает о том, как долго вызревал у нее замысел этого произведения, как тщательно она работала над ним. В нем слились воедино детские увлечения Байетт естественной историей и миром насекомых, который захватил ее воображение еще задолго до того, как она прочитала книгу известного американского биолога и мирмеколога Э.О. Уилсона о жизни муравьев [Byatt, 1999, p. 80], и ее серьезнейшая заинтересованность естественной историей религии, которую она считала древней и сложной формой человеческого поведения [Byatt, 1999, p. 79]. Она проделала огромную подготовительную работу и прочитала очень много разнообразной литературы, потому что ей казалось, что такая начитанность и погруженность в материал помогут ей понять “some sense of what words meant in the past” [Byatt, 1999, p. 94] и проникнуть в дух викторианской эпохи, чтобы передать современным читателям ее подлинный смысл и аромат, приблизив ее к ним, дав им возможность понять истоки многих противоречий, которыми они мучаются и в двадцать первом веке. Но, хотя она перечитала горы книг по биологии (работы Ч. Дарвина, К. Линнея, А. Грея, Г.У. Бейтса, А. Р. Уоллеса и многих других ученых-естествоиспытателей и путешественников), философия христианской религии и непосредственно мистические труды Э. Сведенборга, бесчисленное количество исследований по викторианской эпохе, скрупулезно изучила биографии и творчество английских поэтов, которых сделала героями новеллы «Ангел супружества» (А.Г. Халлама, А. Теннисона), прежде всего при написании «Ангелов и насекомых» она опиралась на свое богатое воображение, бесконечно радуясь тому, что обнаруженная ею некоторое время спустя в разных книгах и документах информация часто подтверждала правильность ее изначальных прозрений. На пересечении всевозможных ссылок на научные и литературные источники, глубоких знаний из разнообразных сфер человеческой мысли и развитой художественной интуиции рождались собственные творческому сознанию Байетт фабуляции, образы и метафоры, которые стали художественным фундаментом этого диптиха.

Так, при создании «Морфо Евгении» важной для Байетт стала «playing with the comparison of human ideals of beauty (in the Victorian Age) and beauty in the creatures» [Byatt, 1999, p. 80], и она показала силу пагубной и страстной влюбленности Вильяма Адамсона в обольстительную Евгению, которая толкает его на женитьбу и оставляет в доме тестя Гаральда Алабастера, заставляя забыть о своем истинном предназначении ученого, желающего постичь законы природы и познать ее красоту. Традиция викторианской литературы для Байетт была не менее важна, и Байетт говорит о том, что герои знаменитого романа Джордж Элиот «Миддлмарч», талантливый молодой врач Лидгейт и увлеченный энтомологией викарий Фербатер, послужили прообразами протагонистов-оппонентов ее первой новеллы – Вильяма Адамсона и Гаральда Алабастера [Byatt, 1999, p. 116]. Необходимо отметить, что в умной и рассудительной героине «Морфо Евгении» Метти Кромптон также обнаруживается определенная проекция созданного Джордж Элиот характера много читающей и много думающей интеллектуалки Доротеи Брук, которая, как и Метти, явно выходит за рамки викторианских представлений о женщине, замкнутой в кругу узких домашних забот. Байетт всегда творчески работает с претекстами и умеет придавать новую жизнь культовым произведениям и хорошо известным образам. Так, неожиданно актуальным для нее оказался и прославленный роман Вальтера Скотта «Айвенго» с его ключевым мотивом противостояния нового и старого, борьбы саксов и норманнов за английские земли. Он подсказал ей имена главных героев «Морфо Евгении» – Вильяма (аллюзия на образ Вильгельма Завоевателя дает возможность читателю предвкушать благоприятную для Вильяма Адамсона развязку его отношений с семейством Алабастеров) и Гаральда (аллюзия на образ короля саксов Гаральда, убитого в битве за родную землю, что предопределило новый и трудный ход английской истории), внутреннее противостояние которых говорит о сложных противоречиях, присущих викторианскому обществу и эпохе в целом.

Во время работы над второй новеллой Байетт преимущественно обращалась к трудам философско-мистического характера и литературе английского романтизма. Она стремилась нащупать нить, которая помогла бы ей связать напряженное романтическое мироощущение, свойственное интересовавшим ее поэтам А. Халламу и А. Теннисону, и овла-

девшую ее воображением антропоморфическую метафору (“anthropomorphic metaphor”) (А.С. Байетт) создания Вселенной, как понимали этот процесс люди викторианского века. Ревизия романтических тем, сюжетов и образов дала ей возможность показать глубинную взаимосвязь времен и идей, подчеркнуть сложность гениальной, творчески одаренной личности. Сделав А. Теннисона одним из главных героев «Ангела супружества», она не только отдала дань восхищения талантом этого выдающегося викторианца, но и показала, как материальное и духовное перетекают друг в друга, как рациональное и земное рождают мистическое и небесное и наоборот. Она перечитала не только все произведения А. Теннисона и его переписку, документы, оставшиеся от его родственников и близких людей, она обратилась к изучению творчества рано умершего талантливой поэта и ближайшего друга Теннисона Артура Халлама, проанализировав все написанное им и о нем, а также «Собрание писем Артура Генри Халлама», в которых Фрин Теннисон Джесси, внучка Эмили Теннисон Джесси, сестры Теннисона и несостоявшейся жены Халлама, рассказывает историю жизни Эмили после смерти Артура. И Байетт, делая Эмили Теннисон одной из главных героинь «Ангела супружества», воспроизводит атмосферу викторианской Англии, которая в 1860–70-х гг. была охвачена невероятным интересом к спиритуализму и спиритическим сеансам, ко всему потустороннему, мистическому и противопоставленному сухой попытке объяснить устройство мира с позиции позитивизма и дарвинизма. «Травма» дарвинизма, оказавшегося для викторианцев «кошмарным сном» (Дж. Фаулз), питала их увлеченность спиритизмом, и в «Ангелах и насекомых» она же стала связующей две новеллы прочной нитью, о которых можно сказать, что обе они рассказывают историю переживания викторианцами травматического опыта, вызванного эволюционной теорией Ч. Дарвина. Спиритизм, широко распространившийся в английском обществе, имеет корни в религиозной философии Э. Сведенборга, которая несмотря на свой мистический характер была теснейшим образом связана с земной жизнью людей, как и сама личность шведского философа, в котором сосуществовали ипостаси ученого-изобретателя и естествоиспытателя, занимавшегося, на первый взгляд, строго материальными предметами – минералогией и физиологией мозга, и ученого-мистика, увлеченного вовсе не материальным – теософией. Байетт отмечает, что ее интерес к идеям Сведенборга возник во время изучения творчества Генри Джеймса [Byatt, 1999, p. 103], которое заставило ее, в свою очередь, обратиться к наследию его отца, Генри Джеймса-старшего, известного богослова и приверженца идей Сведенборга, верившего в его идею Бога, существование трех миров, единство материального и духовного и духовное значение брака мужчины и женщины.

На творческое сознание Байетт серьезное влияние оказывали также идеи двух любимых ею английских писательниц, практически ее современниц, творчество которых она также хорошо знала и изучала, посвятив одной из них, в частности Айрис Мердок, серьезную работу «Degrees of Freedom: The Novel of Iris Merdoch», написанную еще в 1965 г. А. Мердок, научившая ее понимать значение метафор, и Д. Лессинг, смело работавшая с метафорическими образами и аналогиями, понимали, что увлеченность метафорами может заслонить настоящий образ, как говорит Байетт, образ «external reality» [Byatt, 1999, p. 107]. Поэтому при написании второй новеллы перед ней стояла непростая задача: не забыть об опасениях своих предшественниц, не лишиться свои метафоры и образы реальных оснований и в то же время не «предать» свою увлеченность чувственностью и чувствительностью друзей Теннисона и Халлама [Byatt, 1999, p. 107]. В их одухотворенной чувственности она видела возможность сопротивления потенциально возможным низменным земным страстям и чисто плотским желаниям. Аккуратно штудировав наследие Артура Халлама, она обратила внимание на особенности созданного им космогонического мифа о Творце, которым он пытался дать ответ на вопрос, почему в мире существует зло. Халлам утверждал, что Творец, задумав сотворить своего Сына, больше всего сам нуждался в любви и что Сын его и есть проявление его безграничной любви, той Божественной любви, которая превосходит любовь земную: «Богу необходима человеческая любовь, страстная любовь; по этой причине Он сотворил осязаемого Христа как предмет желания, а для того, чтобы любовь к Христу могла проявиться, создал полную греха и печали Вселенную», чтобы через Сына «ощутить любовь к себе» [Байетт, 2018, с. 289, 302]. В ее представлении эстетика и теология Халлама были одновременно “erotic, and material” [Byatt, 1999, p. 107], и это да-

вало ей возможность сблизить в рамках одной новеллы романтический миф поэта и мысли Сведенборга, утверждавшего, что всеобъемлющая любовь является мощным энергетическим импульсом для начала творения Вселенной и людей, а Божественное разлито всюду, в природе и в человеке. Байетт таким образом реконструирует романтический комплекс идей, связанных с присущим романтикам мистическим ощущением присутствия Божественного в природе и Вселенной в его сложных корреляциях с осознанием материальности, вещественности мира. Романтики верили, что присутствие Божественного в мире придает ему красоту и одушевленность, что природа и человек (как неотъемлемая часть природы) – все это члены «одного громадного тела <...> одна душа оживляет это тело, одна жизнь проявляется во всех движениях...» [Жирмунский, 1996, с. 46], поэтому вприятии реальности земного существования, включающего и половую любовь, в понимании мира как единства физического и духовного начал отражается свойственная романтикам полнота ощущения Бога. Таким образом, мысль о взаимосвязанности всего со всем, представление о человеческом и природном мирах как глобальной паутине, стали тем стержнем, вокруг которого обращался авторский замысел Байетт, давший двум новеллам одно название, смысл которого становится более понятным с учетом всего выше сказанного: миры людей, ангелов и насекомых сопоставимы друг с другом, они существуют по законам, в соответствии с которыми материальное и духовное нерасторжимо связаны и всегда проявляются во взаимодействии и взаимопроникновении.

Способность мыслить метафорами дала возможность Байетт превратить свои фантазии и озарения в художественные образы, облечь их в стройный рассказ о жизни викторианцев, привлекательный для современного читателя. Так, «Морфо Евгению» она сначала увидела как фильм, который якобы был снят благодаря встроенной в середину муравейника камере. На этот образ наложились знания, почерпнутые ею из прочитанных книг, и все это вместе взятое, пропущенное через призму творческого сознания писательницы, спродуцировало одну из главных сюжетных линий и центральный художественный прием первой новеллы – жизнь лесного муравейника, за которым внимательно наблюдают дети под руководством Вильяма и Метти, и жизнь семейства Гаральда Алабастера в огромном викторианском особняке, напоминающем муравейник, аналогичны друг другу, подчиняются схожим законам. Это рождает метафору человеческого муравейника, в котором каждый исполняет заведомо предназначенную ему роль. Аналогия между миром людей и миром общественных насекомых, изобразенная в «Морфо Евгении», нашла свое продолжение в аналогии, ставшей основой новеллы «Ангел супружества», непосредственным импульсом для написания которой послужило неоформленное желание Байетт изобразить внезапную смерть мужчины или женщины, усиленное стремлением разобраться в табуированных викторианской моралью вопросах жизни семьи, мужчин и женщин сквозь призму современных теорий гендера и сексуальности. Так возникла аналогия между миром людей и миром ангелов, между миром живых и миром мертвых, которая также подчеркивает уже известную и значимую для Байетт мысль о взаимосвязанности любых явлений (жизни и смерти, любви с жизнью и смертью) и каждого со всеми в подлунном мире. В «Ангеле супружества» есть тонкая и выписанная с необычайным художественным мастерством живописная сцена, важная для понимания замысла Байетт. Ее героиня Эмили Теннисон вспоминает, как однажды она, выйдя на лужайку, наткнулась на двух друзей, Альфреда и Артура, которые, сидя в креслах, беседовали «о природе вещей» [Байетт, 2018, с. 302], о мужском и женском началах в мире. Они были умиротворены и замечались, любясь ею, при этом «руки друзей расслабленно свисали с подлокотников, касаясь земли, а пальцы молча указывали друг на друга» [Байетт, 2018, с. 304]. Эта дважды повторенная в тексте деталь тянувшихся друг к другу, но не соприкасающихся пальцев является точной цитатой бессмертного шедевра Микеланджело «Сотворение Адама», где пальцы устремленных друг к другу Бога и Адама тоже не соприкасаются, но рука Бога дает животворный импульс для воплощения Адама по Божьему образу и подобию. Так и в сознании писательницы материальное и духовное, земное и небесное являются сообщающимися сосудами, одно не существует без другого, одно питает другое, что нашло свое воплощение в художественной форме диптиха, состоящего из двух новелл, зеркально отражающихся друг в друге.

Действие в двух новеллах происходит в 1860–70-е гг., в самой середине царствования королевы Виктории, и атмосфера викторианской эпохи, воссозданная с необыкновенным вниманием к деталям, передается Байетт с помощью викторианского кода, который органично отображает культурно-философский ландшафт эпохи, викторианский быт, аксиологические и морально-этические доминанты викторианства, что дает возможность вслед за многими другими авторитетными исследователями отнести этот диптих к историографической прозе, к такой разновидности жанра историографического романа, как неовикторианский роман, тем более, что эти тексты лишь условно могут называться новеллами, так как вполне, на наш взгляд, отвечают приметам жанра романа в совокупности присущих ему сущностных черт (наличие романной ситуации, дифференциация и иерархия персонажей, определенный хронотоп, психологизм, завершенность судьбы героев и др.) [Эсалнек, 2004, с. 19–26] и, главное, в той свободе, в которой роман наследует сам мир и человека в нем.

Викторианский код является самой выразительной особенностью диптиха и объединяющей две его части чертой. Он проявляется во всем – в воспроизведенных Байетт противоречиях эпохи, в которой сосуществовали спиритуализм и позитивизм, дарвинизм и сведенборгианство, рационалисты уживались с романтиками-идеалистами, а ученые-натуралисты с мистиками; где плотское пронизывало духовное, а духовное соперничало с материальным; в изображении подробностей быта викторианской усадьбы Бридли-холл, где «каждый занимал определенное место и вел определенный образ жизни» [Байетт, 2018, с. 35], как это было принято во всем викторианском обществе с его жесткими правилами и социальной иерархией. Описанный в новеллах круг занятий героев также отвечает викторианским временам: в Маргите, небольшом курортном городке, где происходит действие «Ангела супружества», люди проводят спиритические сеансы, читают мистическую литературу, являются прихожанами Новоиерусалимской церкви, дискутируют на темы земного и потустороннего существования, а в замке Алабастеров леди и джентльмены с удовольствием организуют спектакли, гуляют в лесу и приусадебном парке, ездят на охоту, разгадывают шарады. Роли в викторианских семьях четко распределены: мужчины занимаются интеллектуальными делами, а женщины остаются на своих половинах, читают, рисуют, играют на музыкальных инструментах.

Проблема положения женщины в викторианском обществе затрагивается в двух новеллах: в обеих присутствует образ «новой женщины», активной, преданной тем или иным научным или религиозным интересам (Матильда Кромптон, Лилиас Папагай) и смелой, самодостаточной, действующей вразрез с викторианскими условностями (Эмили Теннисон), и в обеих новеллах героини-мужчины проявляют свойственное викторианской эпохе недоверие к женскому уму и неприятие женской самостоятельности, причем недовольство в связи с заинтересованностью женщин вопросами религии и науки высказывают практически в одних и тех же выражениях и материалист-натуралист Вильям Адамсон, и идеалист-поэт Артур Халлам: «Вы много думаете...», «Женщине ни к чему забивать всем этим свою милую головку» [Байетт, 2018, с. 5, 304].

Викторианский код отражен и в круге проблем, которые поднимает Байетт в своем диптихе. На первый взгляд может показаться, что они противопоставлены друг другу по принципу земное / небесное, материальное / духовное. Для «Морфо Евгении», как уже отмечалось выше, важна аналогия, с помощью которой сопоставляется мир людей и мир муравьев как общественных насекомых, а в «Ангеле супружества» параллели возникают между миром людей и миром ангелов, однако Ю. Виноградова справедливо утверждает, что таким образом «мир людей оказывается словно отраженным и в мире насекомых, и в мире ангелов, в которых люди ищут свое подобие» [Виноградова, 2001, с. 273]. Значимым является именно глубинный уровень связи двух новелл. Насыщенная естественнонаучными знаниями «Морфо Евгения» в то же время стремится к внутреннему равновесию, гармонии духовного и материального миров, поэтому ее героини размышляют над текстами Библии, читают произведения Дж. Мильтона, С.Т. Колриджа, А. Теннисона, а не только Ч. Дарвина и других ученых-натуралистов, а персонажи «Ангела супружества», на первый взгляд погруженные лишь в мистическое и эзотерическое, ищут опору в рациональных основаниях, в материальных вещах и стремятся к полноценной земной жизни. Таким об-

разом, на проблемном уровне закольцовываются философские смыслы диптиха: «век материализма» ощущает недостаточность научных и односторонних объяснений происходящего в мире, отчего пытается найти ответы на тревожащие вопросы в мистических учениях и религиозных верованиях. В двух новеллах с большей или меньшей степенью выраженности сосуществуют и взаимодействуют научный, религиозный и теософский дискурсы, план рационального и мистического, и на пересечении этих дискурсивных полей возникают пространства повышенной смысловой интенсивности, генерирующие ключевую мысль диптиха: и ученые, изучающие природу, делают свои естественнонаучные открытия и создают свои миры, и люди искусства, поэты, художники, философы, постигая человеческую природу, также являются творцами своих воображаемых миров, и в своих земных деяниях они уподобляются Творцу Вселенной, в которой все совершенно и гармонично, надо лишь уметь увидеть это и понять. Но человек, как правило, видит лишь то, что позволяет ему его собственный жизненный опыт: «...мы как те несчастные ангелы, для которых свет нашего солнца – крошечная тьма» [Байетт, 2018, с. 243].

Метафора зрения, внутреннего видения является одной из главных в диптихе, она реализуется в двух новеллах, объединяя их на идейно-смысловом уровне. Способностью глубинного зрения обладают люди творческого, интеллектуального труда, поэтому точно подметила Я. Муратова, что «художник и ученый-биолог в творчестве Байетт представляют разные полюса единой сферы человеческой культуры» [Муратова, 2020, с. 86]. Энтомолог Вильям Адамсон и поэт Альфред Теннисон видят и понимают мир по-своему, но оба они стремятся постичь его Божественную тайну. «Морфо Евгения» заканчивается словами капитана Папагая: «Пока жив, все вокруг удивительно, надо лишь уметь видеть» [Байетт, 2018, с. 212], которые подводят итог первой части диптиха, где концептуальная метафора зрения проявилась как буквально (наблюдение за жизнью лесного муравейника требовало умения «видеть»), так и в своем непосредственном назначении (Вильям Адамсон прошел сложный процесс осознания своей жизненной ситуации и своего предназначения). А герои «Ангела супружества» наделяются уже сверхъестественными способностями проникать в потусторонние миры, общаться с духами и постигать внутренним зрением тайны человеческой души.

Новеллы сообщаются друг с другом также и на уровне системы героев. Образ капитана Папагая является очевидным их связующим звеном: его корабль увозит Вильяма Адамсона и его подругу Матильду Кромптон к далеким берегам Бразилии в конце «Морфо Евгении», а в «Ангеле супружества» рассказывает о жене капитана Лилиас Папагай, которая на протяжении долгих лет верно ждала возвращения своего мужа, и он наконец вернулся и снова появился в самом конце уже второй новеллы. Образ капитана Папагая поддерживает как фабульную, так и смысловую целостность диптиха. Жизнь после смерти существует, души истинно любящих друг друга мужчин и женщин объединяются после смерти на небесах в образе Ангела, о чем писал Э. Сведенборг и во что верил А. Теннисон, но соединение любящих возможно и на земле. Истинная любовь является движущей силой новелл, в ней снимаются все противоречия плоти и духа, тела и души, любовь, как и Бог, оказывается той непостижимой тайной, к которой удастся прикоснуться избранным, честным и чистым, сильным духом героям. Так находят свое счастье после долгих испытаний Вильям Адамсон и Матильда, Эмили Теннисон и ее муж капитан Джесси, Лилиас и Артуро Папагай: «Вот она, жизнь после смерти...» [Байетт, 2018, с. 382].

Однако помимо фигуры смелого капитана Папагая, дважды тонувшего и выжившего в схватке со смертью, в новеллах присутствуют взаимно обращенные мужские образы, поэтому нам трудно согласиться с утверждением Дж. Флетчер, что «Артуро Папагай, капитан “Калипсо”, – единственная связь между первой и второй новеллами» [Fletcher, 1999, p. 227]. Так, ученый Вильям Адамсон является приверженцем дарвинизма, но это не только не мешает, а благоприятствует его душевным и религиозным переживаниям, он интересуется метафизическими проблемами не меньше, чем его тесть – пастор Гаральд Алабастер, он любит поэзию В. Вордсворта и С.Т. Колриджа, знает работы Дж. Рескина не хуже, чем труды ученых-биологов, изучение природного мира лишь способствует его интенсивной внутренней жизни, и он тоже смятенно ищет ответы на вопросы о Божественном Предопределении, человеческих инстинктах и границах разума как людей, так и насекомых. Не случайно и то, что образ поэта Альфреда Теннисона, которого еще современники называ-

ли лучшим выразителем духа викторианской эпохи, полной противоборства материального и духовного, появляется уже в первой новелле, а во второй поэт-лауреат становится одним из ее протагонистов. Теннисон, казалось бы, весь погруженный в небесные сферы, закрытые для простого смертного и ученого-материалиста мира, ведет себя в быту как земной человек со свойственными ему слабостями и сомнениями, а в своей возвышенной поэзии, говорящей о самых непостижимых вещах, о любви, жизни и смерти, он «от абстрактной персонифицированной Любви» «добрался до голой животной чувственности» [Байетт, 2018, с. 348]. Испытавший на себе влияние натурфилософских, позитивистских и спиритуалистических идей Теннисон чувствовал, что искусство, наука и природа амбивалентны, в их материальности заключено духовное, на них лежит отблеск Божественного творения, и через них можно приблизиться к познанию тайны Бога и человека. Значимо, что мысли о Боге и материи ученого (Вильяма Адамсона) и поэта (Альфреда Теннисона) созвучны: «тайна и есть Бог. Доказано, что тайна эта – материя...»; «И я увидел суть вещей, // То, что постичь не в силах мы. // И в мир простерлися из тьмы // Руки, что лепят нас, людей» [Байетт, 2018, с. 86, 353].

И, наконец, следует указать на еще две выразительные черты, связующие новеллы в диптихе, – это присутствующие в них многочисленные вставные конструкции, поддерживающие стиливое единство и общность новелл (басни, сказки, фрагменты научных и поэтических текстов, принадлежащие разным героям), и интертекстуальность, лежащая в основе постмодернистской прозы Байетт. Вставные конструкции двух новелл имеют символическо-метафорическое значение, усиливающее смыслы основного текста, а интертекстуальность прослеживается как внутренняя (на уровне слов-ключей, встречающихся в двух новеллах: материя, дух, плоть, женщина, мужчина, мухи, муравьи, личинки насекомых; Ч. Дарвин, А. Теннисон, поэма «In Memoriam»), так и внешняя (в новеллах в изобилии присутствуют аллюзии, реминисценции и прямые цитаты из Старого и Нового Завета, из произведений У. Шекспира, Дж. Чосера, Дж. Донна, Дж. Мильтона, Дж. Беньяна, Б. Джонсона, Дж. Китса, С.Т. Колриджа, Данте, Э. Сведенборга и многих других значимых представителей европейской культуры).

Таким образом, в диптихе А.С. Байетт «Ангелы и насекомые» создан полнокровный образ викторианской эпохи и викторианского человека во всей их мировоззренческой и духовно-эстетической сложности. Художественная целостность этого литературного произведения формируется с помощью единства авторского замысла и авторской позиции писательницы, которая обращается к переосмыслению викторианского прошлого с целью найти в нем ответы на животрепещущие проблемы бытия современного человека. Герои ее диптиха соотносимы с эпохой, втянуты в бесконечную цепь взаимоотражений, вскрывающих «богатства человеческих содержаний» [Гиршман, 1991, с. 155] в их удивительной общности и взаимозависимости, что релевантно духу викторианства. Важнейшая максима диптиха «внешний вид обманчив» обращена не только на составляющие его новеллы, но и извне. Внешняя отдельность двух новелл обманлива: они нерасторжимо связаны друг с другом на всех формально-содержательных уровнях и образуют эстетическое единство, художественное целое, органично вписывающееся в пространство романной прозы британской писательницы.

Список использованной литературы

- Байетт, А.С. (2018). *Ангелы и насекомые: повести* / пер. с англ. М. Наумова. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус.
- Виноградова, Ю. (2001). Между небом и землей. *Иностранная литература*, 5, 272–274.
- Владимирова, Н.Г. (2018). Аксиологическое содержание «переиначивающего модуля» персонажных вставных текстов в романе «Морфо Евгения» А.С. Байетт. *Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*, 1, 65–71.
- Гиршман, М.М. (1991). *Литературное произведение: теория и практика анализа: Учебное пособие*. Москва: Высшая школа.
- Жирмунский, В.М. (1996). *Немецкий романтизм и современная мистика*. Санкт-Петербург: Аксиома, Новатор.
- Муратова, Я.Ю. (2020). Проблема «гибридности» в произведениях А.С. Байетт «Ангелы и насекомые» и «Свистящая женщина». *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 20 (1), 85–90.

Толстых, О.А. (2008). *Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог (на материале романов А.С. Байетт и Д. Лоджа)*. (Автореф. дисс. канд. филол. наук). Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург.

Тюпа, В.И. (2009). *Анализ художественного текста: учебное пособие*. Москва: Академия.

Эсалнек, А.Я. (2004). *Основы литературоведения. Анализ романного текста: Учебное пособие*. Москва: Флинта; Наука.

Buda, A. (2015). In the postmodernism mirror: intertextuality in Angels and Insects by Antonia Susan Byatt. *Journal of Language and Cultural Education*, 3 (2), 66–70. DOI: 10.1515/jolace-2015-001.

Byatt, A.S. (1999). *On Histories and Stories: Selected Essays*. Cambridge, Massachusetts: Cambridge University Press. Retrieved from: <https://www.slideshare.net/FarijulBari/on-histories-and-stories-selected-essays-by-as-byatt-farijulbarigmailcom>

Fletcher, J. (1999). The Odyssey Rewoven: A.S. Byatt's Angels and Insects. *Classical and Modern Literature: A Quarterly*, 19 (3), 217–231.

Hansson, H. (1999). The Double Voice of Metaphor: A.S. Byatt "Morpho Eugenia". *Twentieth Century Literature*, 45 (4), 452–466.

Lackey, M. (2008). A.S. Byatt's "Morpho Eugenia: Prolegomena to Any Future Theory. *University of Minnesota Morris, College Literature*, 35 (1), 128–147. Retrieved from: https://digitalcommons.morris.umn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=eng_facpubs

Primorac, A., Balint-Feudvarski, I. (2011). Gender Subversion and Victoriana in A.S. Byatt's "Morpho Eugenia". *Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Splitu*, 4, 221–235.

Sturrock, J. (2002/03). Angels, Insects, and Analogy: A.S. Byatt's "Morpho Eugenia". *Connotations*, 12 (1), 93–104. Retrieved from: <https://www.connotations.de/article/june-sturrock-angels-insects-and-analogy-a-s-byatts-morpho-eugenia/>